

МОТИВ БОРЬБЫ С ВЕЩНЫМ ДВОЙНИКОМ В РОМАНЕ Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»

Мотив борьбы героя с вещным двойником, наиболее часто представленным домом, помещением, в котором живет герой, является ключевым в декадентском романе. В статье «Мотив борьбы с вещным двойником в повести «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого и романе «Наоборот» Ж.К. Гюисманса» нами рассмотрены и сопоставлены мотивы борьбы главных героев этих произведений с их жилищами. Как в романе, так и в повести герои переезжают на новое место жительства и пытаются обустроить свой дом, создать дом своей мечты. Вместе с тем герои начинают страдать «от помещения» [4, с. 126], ибо новым дом начинает угнетать их физическое и психическое здоровье. Борьба героя, имеющая в данных произведениях диаметрально противоположный исход, является ядром их сюжетных линий.

Рассмотрим мотив борьбы героя с домом в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес». Здесь герой с его вечным стремлением все разрушить и испакостить не мечтает об идеальном доме и ничего не благоустраивает. Тем не менее, роман начинается со смены героем дома и поиском другого жилища. В начале первой главы романа, возвращаясь домой после праздничной обедни, Передонов заходит к Вершиной и сообщает ей о том, что они скоро будут соседями. Они с Варварой собираются съехать с квартиры, где живут уже несколько лет, так как стерва-хозяйка плохо наклеила обои в столовой:

«— Скоро соседями будем, — объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова и сейчас же опять отвела глаза в сад.

— Переезжаете? — спросила Вершина. — Отчего же?

— Далеко от гимназии, — объяснил Передонов. Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

— Да ведь вы там уже давно живете, уже несколько лет, — сказала она.

— Да и хозяйка стерва, — сердито сказал Передонов.

— Будто? — недоверчиво спросила Вершина, и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.

— Наклеила новые обои, да скверно, — рассказывал он. — Не подходит кусок к куску. Вдруг в столовой над дверью совсем другой узор, вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет совсем не тот. Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется. И все смеются» [5].

Также Передонов заявляет, что они с Варварой не говорят хозяйке, что хотят съезжать на новую квартиру, да еще и не собираются платить за месяц

проживания, в который они с Варварой ездили в Петербург, а хозяйка в их отсутствие сделала отвратительный ремонт.

В сцене, когда Передонов впервые показан дома, говорится: «Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили недовольство и тоска» [5]. То есть угнетение домом героя имеет, очевидно, более глубокие корни, нежели неудачные обои.

Затем во второй и пятой главах романа следуют три сцены борьбы героя с домом. Герой ненавидит свой дом и вместе со своими злыми гостями буквально учиняет над ним расправу. Передоновская компания пакостит стены, обливает их кофе, колотит их ногами, обрывает обои, лепит на потолок бумажных чертей из жеваного хлеба и проч., сопровождая все это нелепыми ужимками и танцами.

Первая сцена происходит во второй главе, когда к Передонову за обедом прискакивает Володин: «Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

– Что это у вас обои?

Передонов и Варвара захохотали.

– На зло хозяйке, – сказала Варвара. – Мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

– Отлично! – крикнул Володин и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене и принялся колотить по ней подошвами. Володин по его примеру тоже лягал стену. Передонов сказал:

– Мы всегда, когда едим, пакостим стены, пусть помнит.

– Каких лепех насажал! – с восторгом восклицал Володин.

– Иришка-то как обалдеет, – сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили их сапогами. Потом, усталые и довольные, отошли» [5].

В данном эпизоде герои совершают над стенами дома действия, которые обычно совершаются над ненавидимым и унижаемым человеком. То есть, дом в «Мелком бесе» также предстает как одушевленный двойник. Однако противостояние двойников выражается уже не завуалировано, а открыто – в буквальной драке героя с домом, с его стенами и потолками.

В романе Сологуба у дома есть дух, некая одушевленная сущность. В случае с первой квартирой Передонова это – хозяйка дома Ершиха, которая вваливается в дом пьяная после первой сцены марания стен. Появление пьяной Ершихи провоцирует вторую сцену – сцену возобновления глумления над обоями, теперь уже в зале, а не только в столовой, да еще и вдохновляет Володина на отпевание хозяйки:

«Володин, прыгая и хохоча, побежал в залу и принялся шаркать подошвами по обоям.

– Варвара Дмитриевна, дайте веревочку, – закричал он.

Варвара, ковыляя, словно утка, пошла через залу в спальню и принесла оттуда конец веревки, измочаленный и узловатый. Володин сделал петлю, поставил среди залы стул и подвесил петлю на крюк для лампы.

– Это для хозяйки! – кричал он. – Чтоб было на чем повеситься со злости, когда вы уедете.

Обе дамы визжали от хохота.

– Дайте бумажки клочок, – кричал Володин, – и карандашик.

Варвара порылась еще в спальне и вынесла оттуда обрывок бумажки и карандаш. Володин написал: "для хозяйки" и прицепил бумажку к петле. Все это делал он с потешными ужимками...

– Отпевайте хозяйку! – закричал Володин. – Давайте подушку!

– Чего ни придумают! – смеясь говорила Варвара.

Она выкинула из спальни подушку в грязной ситцевой наволочке. Подушку положили на пол за хозяйку, и стали ее отпевать дикими, визгливыми голосами» [5].

В сцене отпевания одушевленное существо, связанное с домом, вновь овеществляется – хозяйка превращается в подушку или подушка в хозяйку. Выезжая из дома, следует отпеть его дух, его живую сущность. Это символическое отпевание, с нашей точки зрения, является первой попыткой Передонова расправиться с вещным двойником, своеобразным символическим убийством.

Третья сцена глумления над стенами и обоями происходит в пятой главе во время застолья и карточной игры у Передонова.

В целом Передонов относится к домам также враждебно, как и к людям, страдая и сходя с ума «от помещения». В отличие от дез Эссента и Ивана Ильича он добровольно предпринимает агрессивные действия по расправе с домом.

Дома в понятии Ардальона Борисовича ассоциируются с мертвецами. Это – мертвые дома с их мертвыми душами. В двенадцатой главе, когда Передонов идет к Коковкиной, с тем чтобы проверить, не девочка ли на самом деле Пыльников, он думает о связи между мертвецами и домами: «Он думал, что у каждого здесь дома есть свои покойники. И все, кто жил в этих старых домах лет пятьдесят тому назад, все умерли. Некоторых покойников еще он помнил.

"Человек умрет, так и дом бы сжечь, – тоскливо думал Передонов, – а то страшно очень"» [5].

Вполне логично, что Передонов сжигает в адском пламени здание общественного собрания, в котором состоялось скопление мертвецов. В сюжете – это уже второе убийство вещного двойника-дома Передоновым.

Следует также обратить внимание на обстоятельства, при которых появляется знаменитая недотыкомка. Она появляется во время молебна на новой квартире: «На новой квартире тотчас же отслужили молебен... Одно странное обстоятельство смутило его [Передонова – Д. 3.]. Откуда-то прибежала тварь неопределенных очертаний – маленькая, серая, юркая

недотыкомка... Наконец, уж когда кончался молебен, Передонов догадался и зачурался шепотом. Недотыкомка зашипела тихо-тихо, сжалась в малый комок и укатилась за дверь. Передонов вздохнул облегченно.

«Да, хорошо, если она совсем укатилась. *А может быть, она живет в этой квартире, где-нибудь под полом, и опять станет приходить и дразнить*» [выделено нами]...

Когда молебен кончился, когда гости разошлись, Передонов долго думал о том, где могла скрываться недотыкомка. Варвара ушла к Грушиной, а Передонов отправился на поиски и принялся перерывать ее вещи» [5].

Исследователями отмечается как связь появления недотыкомки с молитвой, так и ее связь с новым домом. Так, Гарриет Гастис отмечает: «Возможно, первое появление недотыкомки является самым убедительным примером того, как магические свойства языка постулируются, с тем чтобы впоследствии быть поставленными под сомнение. Передонов впервые видит недотыкомку во время церковной службы, которая проводится в его новой квартире...» [6].

В статье Линды Иванитс указывается на связь между героем, недотыкомкой и домом: «Это [плохой запах, вонь – Д. 3.] является еще одним способом соотнести недотыкомку с душой Передонова и его квартирой, в которой также отвратительно пахнет и которая своеобразно отображает его душу» [7].

Кульминацией (или антикульминацией) романа традиционно считается сцена убийства Передоновым Володина. Однако в тексте есть указание на то, что для Передонова, по крайней мере, для его большого воображения, это не было первое убийство. Первым было убийство мифического соглядатая, который якобы притаился за обоями. Передонов протыкает шилом обои. На наш взгляд, есть достаточно оснований трактовать данный эпизод как символическое убийство вещного двойника-дома, за которым вполне логично следует реальное убийство реального человека, ведь дом, как нами уже отмечалось, неизбежно связан с человеком и имеет одушевленного двойника. В этой сцене обои одушевляются, превращаясь в мнимого соглядатая, а реакция на закалывание шилом у обоев вполне человеческая.

Приведем данный эпизод полностью: «Ветер шевелили обои. Они шуршали тихим, зловещим шелестом, и легкие полутени скользили по их пестрым узорам. «Соглядатай прячется там, за этими обоями», – думал Передонов. «Злые люди! – думал он, тоскуя, – недаром они наложили обои на стену так неровно, так плохо, что за них мог влезть и прятаться злодей, изворотливый, плоский и терпеливый (и в новом доме герою досаждают плохо наклеенные обои – Д. 3.). Ведь были и раньше такие примеры».

Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом. Передонов купил шило. И когда он вернулся домой, обои шевельнулись неровно и тревожно, –

соглядатай чуял опасность и хотел бы, может быть, проползти куда-нибудь подальше. Мрак метнулся, прыгнул на потолок и оттуда угрожал и кривлялся.

Злоба закипела в Передонове. Он стремительно ударил шилом в обои. *Содрогание пробежало по стене.* Передонов, торжествуя, завыл и принялся плясать, потрясая шилом. Вошла Варвара.

– Что ты пляшешь один, Ардальон Борисыч? – спросила она, ухмыляясь, как всегда, тупо и нахально.

– Клопа убил, – угрюмо объяснил Передонов.

Глаза его сверкали диким торжеством. Одно только было нехорошо: скверно пахло. Гнил и вонял за обоями заколотый соглядатай. Ужас и торжество сотрясали Передонова: убил врага! *Ожесточилось сердце его до конца в этом убийстве. Несовершенное убийство, – но для Передонова оно было что убийство совершенное. Безумный ужас в нем выковал готовность к преступлению, и несознаваемое, темное, таящееся в низших областях душевной жизни представление будущего убийства, томительный зуд к убийству, состояние первобытной озлобленности угнетали его порочную волю [выделено нами].* Еще скованное, – много поколений легло на древнего Каина, – оно находило себе удовлетворение и в том, что он ломал и портил вещи, рубил топором, резал ножом, срубал деревья в саду, чтобы не выглядывал из-за них соглядатай. И в разрушении вещей веселился древний демон, дух довременного смешения, дряхлый хаос, между тем как дикие глаза безумного человека отражали ужас, подобный ужасам предсмертных чудовищных мук» [5]. Это убийство по сюжету – уже третье убийство вещного двойника Передоновым. За ним последует уже финальное реальное убийство.

Сразу за этой сценой следует знаменитое передоновское восклицание: «Как же мне жить, если мне дадут места!» [5]. Под местом здесь, с одной стороны, понимается инспекторское место, а с другой стороны, слово «место» имеет здесь самое прямое значение – некоторое пространство. Передонов борется с домом не только как с неодушевленным двойником, но и как с единицей (замкнутого) пространства, потому что ему нет места. Стремление отгородиться от мира, замкнуться в футляре, очертиться и зачураться (поставить словесную преграду) сочетается с мукой от нехватки места, ненавистью к черте, которую страшно переступить, к стенам и потолкам, которые хочется колотить ногами и заколоть шилом. Черта становится проклятием декадентского героя. А.Н. Долженко говорит о мучениях Передонова, что это – «дьявольская пытка болезненного сознания, блуждающего на грани миров» [3, с. 27].

Исследуя особенности хронотопа русского декадентского романа, ученый отмечает, что «важнейшей характеристикой художественного пространства «Тяжелых снов» является его замкнутость, ограниченность» [3, с. 26]. Такая ограниченность в декадентском романе характерна для любого объема пространства. Любое пространство, будь то дом, сад / усадьба, город, государство / остров, даже весь мир (среди других миров) предстает перед

читателями огороженным чертой, замкнутым, словно точка, расширенная до невероятных размеров.

Пространственные особенности декадентского романа соответствуют его временной организации. А.Н. Долгенко отмечает, что развертывание мгновения в бесконечность свойственно поэтике прозы Сологуба в целом. Исследователь также отмечает принцип отбора времени: ирреальное время (сны) наряду с реальным временем и их взаимную трансформацию. Мы полагаем, что пространство в романах Сологуба организовано по аналогичному принципу – точка развертывается в пространство, а пространство сворачивается в точку, реальное пространство существует наряду с ирреальным. А.Н. Долгенко также отмечает иллюзорность пространства, наряду с иллюзорностью времени: «Эта черная колдунья» [Вершина – Д. 3.] сокращает пространство и делает его иллюзорным, постоянно курия и развеивая вокруг завесы дыма» [3, с. 27].

Пространство в декадентском романе не менее гибко, чем время. В любой точке может находиться вселенная, и любая вселенная рассматривается как очерченная замкнутая точка. Мертвый дом, мертвая усадьба, обнесенная стеной, мертвый город, мертвое государство – все это символы царства мертвых, преисподней, расположенные как концентрические окружности.

Если минимальной единицей времени в декадентском романе является мгновение, которое становится веком, то минимальной единицей замкнутого пространства логично считать дом. Однако данный момент следует рассмотреть подробнее. Дом, как уже неоднократно упоминалось, связан с человеком, мертвым человеческим телом и мертвой душой. А минимальной топографической единицей человеческого тела, частью, где слиты замкнутое пространство, тело и душа, его биологические импульсы и мысли, его рай и ад, является человеческая голова.

Приведем в этом контексте отрывок из романа М.П. Арцыбашева «У последней черты»: «И было при этом у корнета Краузе отчетливое представление, что сердце у него и в самом деле маленькое, а голова громадна. Так громадна, что наполняет всю комнату, давит на сердце, на стены, на потолок, гасит свечи, душит, выходит за пределы комнаты, и вот... среди мрака ночи, горя светом изнутри, стоит эта чудовищная голова на пустой и черной земле. Стоит и смотрит.

Медленно поворачиваются страшные, все видящие мертвые глаза, и все, на что смотрят они, умирает, распадается в прах.

Становится очевидно, что в мире существует только она одна – громадная голова корнета Краузе, а кроме нее нет ничего. Она закроет глаза, и все исчезнет» [1].

Помимо аллюзий на учение Шопенгауэра, данный эпизод содержит, на наш взгляд, указание на развертывание минимальной точки пространства в бесконечность. Мир здесь равен голове, человеческому сознанию, кости черепа

представляют собой стены дома, мертвого дома и они давят на все вокруг. Они не дают герою жить, не дают места.

Также этот фрагмент восходит к карнавальной традиции, а именно к средневековым мистериям, где на сцене преисподняя изображалась как гигантская голова: «Здесь в самом центре сцены находится громадная голова с разинутой пастью. Внутри разинутой пасти сидит чертовка, два черта выглядывают из глаз. По одному черту сидят в ушных раковинах, вокруг головы пляшут черти и клоуны» [2]. Рот в карнавальной традиции, в рамках характерной для нее связи между телесной и космической топографией, представлял собой вход в преисподнюю. Эпоха fin-de-siecle в отличие от эпохи Ф. Рабле не спускается в утробу через рот, а поднимается в высшие мозговые сферы, где нет обновления, а есть давящие стены, мрак и мертвые мысли.

Таким образом, в русском декадентском романе стерты грани не только между человеком и вещью, но и между человеком, объектом вещного мира и единицей пространства. Минимальной единицей пространства преисподней, его носителем является человек, его голова-сознание, а максимальной – вселенная, скопление людей, человечество. В мотиве борьбы человека с вещным двойником-домом воплощено мучительное желание человека преодолеть замкнутость пространства, страх и отчаяние перед тем, как переступить черту, ведь иного выхода декадентский герой, собственноручно эту черту проводящий не видит. А лучше бы было не проводить ее вовсе. Не случайно сразу после сцены закалывания обоев Сологуб говорит о том, что Передонов стремился к истине, как и всякий другой человек. Ведь именно в этой отчаянной борьбе со стенами, не дающими места, и выражается стремление к истине. Таким образом, в данном мотиве выражен характерный для декаданта одновременный расцвет и кризис индивидуализма.

Рассмотрение трансформаций пространства в русском декадентском романе с предложенной нами точки зрения определяет перспективы дальнейших исследований.

Литература

- 1. Арцыбашев М.П.** У последней черты [Электронный ресурс] / М.П. Арцыбашев // Собр. соч.: в 3 т. – М., 1994. – Т. 2. – Режим доступа: http://az.lib.ru/ayarcybashew_mj/text_0020.shtml.
- 2. Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.j3osofrfiy^blibrary/bahtin/rable.html>.
- 3. Долженко А.Н.** Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: автореф. ДИС. ДООИ. филол. наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / А.Н. Долженко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
- 4. Зубарь Д.А.** Мотив борьбы с вещным двойником в повести «Серть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого и романе «Наоборот» Ж.К. Гюисманса / Д.А. Зубарь // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2012. – №12 (247), Ч. II.

– С. 123 – 130. **5. Сологуб Ф.** Мелкий бес [Электронный ресурс] / Ф. Сологуб. – 2002. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/SOLOGUB/bes.txt>. **6. Hustis H.** Wicked Tongues and Alternative Lifestyles: Lyudmila, Peredonov and the Role of Language in Sologub's The Petty Demon / Harriet Hustis // Slavic and East European Journal 40.4 (Winter 1996): 632-648. Rpt. in Twentieth-Century Literary Criticism. Ed. Kathy D. Darrow. Vol. 259. Detroit: Gale, 2012. Literature Resource Center. Web. 6 Feb. 2012. **7. Ivanits Linda J.** The Grotesque in Fedor Sologub's Novel The Petty Demon / Linda J. Ivanits // Russian and Slavic Literature. Ed. Richard Freeborn, Charles A. Ward, and R. R. Milner-Gulland. Cambridge, Mass.: Slavic Publishers, Inc., 1976. 137-174. Rpt. in Twentieth-Century Literary Criticism. Ed. Kathy D. Darrow. Vol. 259. Detroit: Gale, 2012. Literature Resource Center. Web. 6 Feb. 2012.

Анотація

Стаття присвячена дослідженню мотиву боротьби героя роману Ф. Сологуба «Дрібний біс» з речовим двійником, яким є будинок, житло героя. Сцени розправи Передонова над шпалерами і стінами будинку Єршової, спалення будівлі громадських зборів, а також заколювання шпалер шилом розглядаються як три символічні вбивства героєм свого двійника-будинка, що передують реальному вбивству Володіна. Боротьба Передонова з будинком інтерпретується не тільки як боротьба з двійником, але і як боротьба з одиницею замкнутого простору, в якому герою немає місця. Для простору в романі «Дрібний біс» характерні гнучкість й ілюзорність, що виражаються у стиранні границь між точкою та всесвітом.

Ключові слова: речовий двійник, простір, мотив убивства

Аннотация

Статья посвящена исследованию мотива борьбы героя романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» с вещным двойником, которым является дом, жилище героя. Сцены расправы Передонова над обоями и стенами дома Ершовой, сожжения здания общественного собрания, а также закалывания обоев шилом рассматриваются как три символических убийства героем своего двойника-дома, которые предшествуют реальному убийству Володина. Борьба Передонова с домом интерпретируется не только как борьба с двойником, но и как борьба с единицей замкнутого пространства, в котором герою нет места. Для пространства в романе «Мелкий бес» характерны гибкость и иллюзорность, выражающиеся в стирании границ между точкой и вселенной.

Ключевые слова: вещный двойник, пространство, мотив убийства

Summary

The paper focuses on the motif of the character struggling against the inanimate doppelganger, which is represented by the character's house, in the novel "The Petty Demon" by F. Sologub. The scenes of violent actions against the

wallpaper and walls in the house of Yershova, burning down public meeting house and stabbing wallpaper with an awl are interpreted as three symbolic murders of the doppelganger house committed by the protagonist, which precede the actual murder of Volodin. Peredonov's struggle against the house is regarded not only as a struggle against the doppelganger, but also as a struggle against a unit of a confined space, where there is no place for the protagonist. Space in the novel "The Petty Demon" is characterized by flexibility and delusiveness, which is expressed in the elimination of borders between the null circle and the universe.

Key words: inanimate doppelganger, space, motif of murder

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко С.А. Ильиным.